
ЗВЕЗДЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ДЕТЕКТИВА

JOE R.
LANSDALE

THE BOTTOMS

ДЖО Р.
ЛАНСДЕЙЛ

ПОЙМА

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО:
ЕВГЕНИЙ РОМАНИН

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)

Л22

Joe R. Lansdale
THE BOTTOMS

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Перевод с английского: *Евгений Романин*

Дизайн обложки и иллюстрация:
Светлана Сапега

ISBN 978-5-17-157315-7

THE BOTTOMS © 2000 by Joe R. Lansdale
© Евгений Романин, перевод, 2020
© Светлана Сапега, иллюстрация, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Эта книга посвящается
памяти моих любимых родителей —
А. Б. (Бада) Лансдейла и О'Реты Лансдейл.

Они пережили Великую депрессию
и несколько экономических кризисов,
безропотно терпели нелегкие времена,
занимаясь тяжким трудом.

Хотелось бы,
чтобы было больше таких, как они

Пролог

Нынче новости распространяются быстро, не то что раньше. А в старину было совсем не так. Ни тебе радио, ни газет. Уж точно не у нас в Восточном Техасе. Всё было по-другому. Если случалось что в другом округе, так только там об этом чаще всего и знали.

Не то чтобы нам было не важно, что происходит в мире, но мы были избавлены от необходимости знать об ужасных событиях, которые лично нас не касались,— хоть где-нибудь в Билджуотере, в штате Орегон, хоть на другом конце нашего штата — на западе, в Эль-Пасо, или на севере, в богом забытом городке Амарилло.

Нынче для того, чтобы знать все кровавые подробности какого-нибудь убийства, многого не требуется: достаточно лишь того, чтобы оно было жутким или чтобы неделя была небогата на происшествия,— и вот о нём трубят из каждого утюга, даже если убили какого-нибудь бакалейщика в штате Мэн, до которого нам нет никакого дела.

Тогда, в тридцатые годы, кровопролитие могло случиться хоть в соседнем округе — а вы бы так о нём и не слышали, если только не были сами к нему причастны, потому что, как уже говорилось, новости тогда передавались медленнее, а органы правопорядка старались решать вопросы своими силами, не привлекая сторонних лиц.

С другой стороны, в некоторых случаях было бы лучше, если бы вести распространялись быстрее, да и вообще хоть как-нибудь. А впрочем, может, ничего бы от этого не поменялось.

Однако что было, того не переделаешь; сейчас мне за восемьдесят, я лежу в доме престарелых, в комнате, пропитанной запахом моего собственнo-го разлагающегося тела; жду, чтобы мне принесли хоть чего-нибудь пожевать — толченого, мелко рубленного и безвкусного; в голень у меня вставлен железный штырь, а по ящику крутят какие-то теледебаты: одни придурки собачатся с другими придурками — и вот даже сейчас у меня сохраняются воспоминания почти семидесятилетней давности, и они свежи, словно случилось всё не далее как вчера.

А случилось-то всё, как сейчас помню, в тысячу девятьсот тридцать третьем и тридцать четвёртом.

Часть первая

Наверно, были в те годы и такие люди, у которых водились деньги, только вот мы в их число не входили. На дворе как-никак стояла Великая депрессия. Да и будь мы из тех, что с деньгами, купить-то на них было, по сути, нечего, кроме свиней, кур, овощей и кое-каких товаров повседневного спроса, а учитывая, что первые три пункта мы сами выращивали на ферме, бывало у нас и всё остальное, необходимое для жизни,— порой мы получали его в обмен.

Папа фермерствовал, а наши края были не так уж плохи для земледелия. Почти весь север и запад Техаса вместе с Оклахомой выдувало тогда ветрами, однако Восточный Техас покрывала пышная растительность, и почвы были богаты, и дождей вдоволь, так что росло всё быстро и особого ухода не требовало. Даже в засуху почва чаще всего сохраняла кое-какую влагу, и если урожай выдавался не таким обильным, как ожидалось, всё ещё могло наладиться. По сути, пока весь остальной штат изнывал от суши и пыли, на Восточный Техас, бывало,

обрушивались жуткие ливни, а то и паводки. Так что если и теряли мы когда урожай, то чаще не из-за сухой погоды, а из-за чрезмерно влажной.

Также папа держал парикмахерскую и сам же работал там всю неделю, кроме воскресенья и понедельника, а ещё служил в нашей округе констеблем, потому что никто больше не пожелал занять эту должность. Одно время был он вдобавок и мировым судьёй, но в итоге решил, что для него одного это слишком, и передал судейское место Джим-Джеку Формозе; папа всегда говорил, что Джим-Джек гораздо лучше справляется с регистрацией браков и констатацией смертей.

Жили мы в чаще леса у реки Сабин в трёхкомнатном белом домике — построил его папа ещё до нашего рождения. Электричества в домике не было, зато имелась дыра в крыше, дымная дровяная плита, ветхий амбар, застеклённая веранда за латаной-перелатаной ширмой да сортир, в который нередко заползали змеи.

Мы жгли керосиновые лампы, таскали воду из колодца, много охотились и рыбачили, чтобы наполнить чулан чем-нибудь съестным. Во владении у нас находилось акра четыре расчищенной от леса земли, а ещё двадцать пять акров поросли сосной и всевозможными твёрдыми породами деревьев. Песчаную почву четырёх расчищенных акров возделывали мы при помощи мула по прозвищу Салли Рыжая Спинка.

Был у нас и автомобиль, но пользовался им папа главным образом по должностным нуждам и для воскресных поездок в церковь. Всё остальное время

Часть первая

мы ходили пешком, а я с сестрой ездили верхом на Салли Рыжей Спинке.

В лесу, который рос на нашей земле, и в том, что рос на сотни акров вокруг, было полно дичи и до чёрта клещей, зудней и прочих разных кровососов. В то время в Восточном Техасе ещё не все большие леса свели на древесину, и не было над нами тогда не в меру прогрессивного Департамента лесного хозяйства, который бы рассказывал нам, что без посторонней помощи лес не выживет. Мы как-то сами прикинули: уж если он жил веками без нас, то как-нибудь и дальше сам разберётся. К тому же тогда лес был по большей части ничейный, хотя, конечно, деревообработка уже в то время являлась крупной отраслью и становилась всё крупнее.

Однако по-прежнему стояли в лесу могучие деревья, и по-прежнему хватало в чаще и вдоль прохладных и тенистых речных берегов укромных местечек, куда никто ещё не ступал, помимо диких зверей.

Там водились в изобилии кабаны, белки, кролики, еноты, опоссумы, броненосцы, а также всевозможные птицы и многочисленные змеи. Порой можно было увидеть, как по реке косяком проплывают водяные щитомордники — их смертоносные головы торчали из брёвен, будто сучья. И горе тому несчастному, которому не повезло упасть в воду и потревожить их стаю; и храни господь безрассудное сердце того дурака, что верил, будто сможет невредимым проплыть под ними, потому что водяной щитомордник якобы не может укусить под водой. Не только может, но с удовольствием укусит.

Встречались в лесах и олени. Может, было их и поменьше, чем нынче, потому как в наши дни их разводят, словно на ферме, и собирают олений урожай во время трёхдневной пьяной стрельбы с охотничьей вышки, да из ружья помощнее. Этих оленей откармливают кукурузой и приучают к человеку, как домашних питомцев, а люди могут пострелять себе вволю да почувствовать азарт, будто побывали на настоящей охоте. Как ни крути, а всё же сложнее подстрелить оленя, дотащить тушу до багажника и водрузить голову на стену, чем сходить в магазин и купить такое же количество бифштекса. А ведь есть ещё такие, кто любит мазать лица звериной кровью и позировать на камеру, будто это делает их кем-то вроде бесстрашных воинов. Можно подумать, проклятый олень был вооружён и опасен.

Но что-то я увлёкся нравоучениями, надо бы вернуться к рассказу. Речь-то шла о том, как мы жили и что за дичь водилась в дебрях. Так вот, был ведь там ещё Человек-козёл. То есть наполовину человек, а наполовину козёл, и рыскал он обыкновенно в окрестностях моста, который назывался Шатучим. Вплоть до времени, о котором я вам рассказываю, я его никогда не видел, но пару раз ночной порой выслеживал в лесу опоссумов и вроде бы слышал, как он стонет и завывает там внизу, у канатного моста — мост этот опасно нависал над рекой и колебался от ветра при свете луны, а блики играли на металлических тросах, словно феи на качелях.

Верили, что этот Человек-козёл якобы похищает домашних животных и детей, и хоть сам я не знал

Часть первая

ни одного ребёнка, которого бы он съел, иные фермеры заявляли, будто бы он таскает у них скотину, а среди знакомых мне ребят некоторые божились: утащил, мол, Человек-козёл у них двоюродных братьев, и с тех пор о них ни слуху ни духу.

Говорили, что за большую дорогу он не заходит, потому что по ней часто гоняют туда-сюда — на машине или же пешком — заезжие баптистские проповедники, из-за чего дорога вроде как и сама становится святым местом. За это дело прозвали мы её Пасторской дорогой.

Поговаривали также, что Человек-козёл не кажет носа из дебрей, которыми заросла вся пойма реки Сабин. Якобы возвышенностей не переносит. Мол, с его-то копытами — а на ногах у него, ясное дело, копыта — передвигаться ловчее всего по влажному и густому растительному месиву.

Папа говорил — никакого Человека-козла не существует. Это, мол, бабьи сказки, какие можно услышать по всему Югу. Говорил, будто то, что слышал я,— всего лишь звуки воды и голоса зверей и птиц, но, доложу я вам, от этих звуков по спине бежали мурашки, а больше всего напоминали они и в самом деле бление раненой козы. Мистер Сесиль Чеймберс, который работал вместе с папой в парикмахерской, сказал, что это, по всей видимости, был ягуар. Они временами попадают в лесных дебрях, а их крики могут сойти за женский вопль — так сказал мистер Чеймберс.

Мы с сестрой, которую звали Том — ну, вообще-то Томасина, но все мы кликали её Томом, потому что так было проще запомнить и потому что она